

1676–1688 гг.? Муратов же явно имел в виду II том Свода законов Российской империи «Учреждение губернское». Подобным образом следует понимать и указание на «том IX», знание которого губернским предводителем Чолокаевым отмечал Муратов (с. 54). Последний, конечно, имел в виду не ПСЗ, а соответствующий том СЗ («Свод законов о состоянии людей в государстве»).

Остались без комментариев многие устаревшие и малоупотребительные слова. Например, «головизна» (с. 90), «петиметр» (с. 118), «квашня» (с. 127), «ризотто» (с. 181), «муль» (с. 184), «зюла» (с. 142), «пейсатый» (с. 280). Некоторые не прокомментированные утверждения Муратова, выглядят не только курьезно, но и могут ввести в заблуждение неподготовленного читателя. Например, мемуарист, безусловно, ошибается, считая, что Большой Венецианский канал шире р. Невы (с. 186). Средняя ширина Невы составляет 200–400 м, протяж 30–70 м у канала⁹.

Остается добавить, что составители предложили сложную систему примечаний. Их выделено три: «подстрочные примечания» или «примечания автора», «прономерованные комментарии» и «примечания самих составителей» (с. 12). Все это запутывает читателя и делает пользование научно-справочным аппаратом неудобным.

Тем не менее, даже в таком усеченном и лапидарном варианте, воспоминания Муратова видятся нам прекрасным рабочим материалом для исследователей взаимоотношений государства и общества, поскольку великолепно

отражают опыт отдельной, тамбовской модели таких отношений. Однако знакомство с этой малой частью яркого источника лишь усиливает желание прикоснуться к его полноте. Поэтому настоящее, подлинное открытие богатейшего мемуарного наследия Н.П. Муратова еще впереди.

А.С. Минаков,
кандидат исторических наук
(Орловский государственный университет)

Примечания

¹ См. рецензируемое издание. С. 13.

² Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990. С. 142–145, 199–211 и др.

³ Туманова А.С. Консерватор во власти: Губернатор Н.П. Муратов // Отечественная история. 2003. № 3. С. 103–113.

⁴ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 65, 85, 134 и др.

⁵ Данный сюжет был исследован при публикации созданных подобным образом мемуаров В.И. Ковалевского. См.: Шенелев Л.Е. Воспоминания В.И. Ковалевского // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 22–23; См. также: Куликов С.В. Муратов // Государственный совет Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 171.

⁶ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1268, л. 6, 10, 16 и др.

⁷ Соловьев Ю.Б. Указ. соч. С. 203–204.

⁸ Там же. С. 205.

⁹ Невский П.А. Река Нева и Невская губа. Л., 1981. С. 18; Большая Российская энциклопедия. Т. 5. М., 2006. С. 127.

Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2008. 227 с.

Сборник статей, вышедший по результатам научно-практического семинара, проведенного Музеем истории парламентаризма в России при Межпарламентской Ассамблее государств-участников СНГ 11 декабря 2007 г. в Санкт-Петербурге в Таврическом дворце, посвящен рассмотрению комплекса проблем, связанных с историей российских представительных учреждений. Ставшие уже ежегодными Таврические чтения продолжают начинание В.И. Старцева, вдохновителя и организатора конференции по истории российского парламентаризма, прошедшей 25–26 апреля 1996 г. в здании этого же дворца, в котором 27 апреля 1906 г. открылись заседания I Государственной думы.

В рецензируемом сборнике опубликовано 13 научных статей, отражающих историю

деятельности Государственной думы I–IV созывов. Авторы исходят из собственных представлений о начальных границах истории российского парламентаризма, этапах его развития и сущности; многие их утверждения дискуссионны. В частности, полемизируя с «историографической аксиомой», согласно которой содержание Манифеста 17 октября 1905 г. противоречило взглядам Николая II, С.В. Куликов приходит к выводу, что бывший самодержец не был противником идеи народного представительства «и в полном смысле слова стал его создателем, действуя под влиянием не столько внешних факторов (опозиционное или революционное движение), сколько своих консервативно-либеральных взглядов» (с. 45). Кроме того, также вопреки «историографическим стереотипам», в ста-

ть ни разу не упомянуты нерешительность, непоследовательность, недальновидность, слабость последнего российского императора, его зависимость от мнения супруги при решении вопросов государственного управления. Наоборот, дана неожиданно высокая оценка действий императрицы и ее влияния на супруга – она названа «единомышленницей царя» и «сторонницей конституции». При этом приведены многочисленные факты согласования Николаем II проектов народного представительства с Александрой Федоровной.

Сложный комплекс проблем, связанных с обсуждением национального вопроса в Думе, рассмотрел Р.А. Циунчук. Б.Д. Гальперина в статье об одном из руководителей кадетской фракции в I Думе М.М. Винавере отметила его талант посредника в межпартийных переговорах. Известный способностью блестяще аргументировать свои взгляды и покорять соперника, даже не убеждая его, он смог, в частности, уговорить депутатов левых фракций отложить решительную схватку до более благоприятного момента, чтобы не ставить Думу под удар со стороны правительства. А.А. Иванов изучил политические взгляды депутата фракции правых в Государственной думе III и IV созывов Г.А. Щечкова, который часто излагал интересные мысли, отличавшиеся от позиций таких его товарищей, как В.М. Пуришкевич, Н.Е. Марков, Г.Г. Замысловский.

В.Н. Гинев, проанализировав разногласия сторонников думского и правительственного законопроектов о местном самоуправлении в III Государственной думе, скорректировал высказанное В.С. Дякиным мнение о том, что закон о волостном управлении был принят «на основе правительственного проекта». Как доказывает Гинев, Государственная дума 13 мая 1911 г. одобрила этот законопроект в основном варианте, предложенном думскими комиссиями, рассчитывая, что его осуществление будет способствовать созданию в России элементов гражданского общества и правового государства. Однако «после трех лет проволочек “Положение о волостном земском управлении” 20 мая 1914 г. было отвергнуто Государственным советом большинством всего в пять голосов. Борьба за законопроект о всеосновной волости продолжилась в IV Думе» (с. 104).

Избирательную кампанию в IV Государственную думу в Санкт-Петербурге, развернувшуюся 8 сентября 1912 г., А.В. Костылев справедливо назвал проверкой партийных лозунгов и программ на «прочность» и популярность среди избирателей. На основании анализа предварительных дебатов, начавшихся за полтора месяца до голосования, автор статьи приходит к выводу, что большинство публики

в полемике между кадетами и левыми, вопреки мнению, господствовавшему среди советских историков, «явно поддерживало кадетских ораторов».

Проблему реформы городского общественного управления, обусловленной неудовлетворительным состоянием всех отраслей городского хозяйства, рассмотрела В.А. Нардова. Несмотря на то, что осенью 1916 г. Комиссия по городским делам Государственной думы в основном доработала проект Городского положения, до прекращения работы Государственной думы в феврале 1917 г. ни правительственный, ни думский проекты так и не были рассмотрены. Поэтому дальнейшие шаги по преобразованию городского самоуправления «были предприняты уже после падения царского режима и связаны с законодательными актами Временного правительства» (с. 145).

Л.С. Бородулина показала, что, хотя с началом Первой мировой войны вопросы, касавшиеся положения Церкви, отошли в Думе на второй план, тем не менее депутатов волновало материальное положение православного приходского духовенства, а также пагубное влияние «темных сил» (точнее, Г.Е. Распутина) на деятельность Синода, который к тому же нередко обвинялся в нежелании реформировать церковные порядки. Депутаты же рассматривали церковную реформу в качестве неотделимой части политических преобразований.

В статье о «военных» сессиях IV Государственной думы И.В. Алексеева пишет о том, что в конце 1916 – начале 1917 г. думская оппозиция и союзники России по Антанте планировали «штурм власти», который должен был привести к Пасхе к перестановке фигур в политической элите России при сохранении режима: «Предполагалось, что думские деятели, наиболее приемлемые с точки зрения западных политиков, мирно пересядут с депутатских мест прямо в министерские кресла» (с. 160). Эти перемены устраивали и союзников, желавших, чтобы Россия продолжала вести войну, и стремившихся к власти депутатов. Однако их опередило народное восстание и Россию «захлестнуло слева».

М.М. Сафонов осветил опасную политическую игру, которую вели лидеры Государственной думы в часы подготовки отречения Николая II. Передав всю полноту власти Временному правительству, вел. кн. Михаил Александрович, полагает Сафонов, «по сути дела уничтожил Государственную думу и Государственный совет»: «Из акта Михаила логически вытекало, хотя об этом и не упоминалось вообще, уничтожение Думы, так как на Временное правительство, облеченное всей полнотой власти, возлагалась основная обязанность созвать

Учредительное собрание. Если же Государственная дума и Государственный совет стали бы функционировать, эта главная задача новой власти могла бы оказаться невыполнимой» (с. 174–175).

Исследуя состояние современной историографии Государственной думы, И.В. Лукоянов указал на ряд исследовательских проблем, нуждающихся в серьезном рассмотрении, в частности, на необходимость изучения места представительства в общественном сознании и отношении к нему в разных слоях российского общества. При этом Лукоянов выразил недоумение по поводу отсутствия в современной России научного или учебного учреждения, специализирующегося на изучении российского парламентаризма (с. 195). А.Б. Николаев обратил внимание на замалчивание или принижение исследователями участия Государственной думы в Февральской революции, часто встречающееся, по его мнению, в новейшей отечественной литературе.

Политолог В.А. Ачкасов затронул дискуссионный вопрос об «истоках традиции парламентаризма», вызывающий в отечественной историографии серьезные разногласия. Выступив против попыток считать вече или Земский

собрание истоками или вехами русской парламентской традиции, он подчеркнул, что «в России не было исторической традиции народного представительства в европейском смысле, на которую могли бы опереться депутаты появившейся в начале XX в. Российской Государственной думы – первого в России представительного учреждения парламентского типа» (с. 213). Да и тогда власть хотела бы видеть в депутатах Думы не столько законодателей, сколько «выборных от народа служителей верховной власти самодержавного государя» (с. 213).

Сборник наглядно свидетельствует о том, что история парламентаризма в России успешно изучается и волнует исследователей. В этой связи было бы желательно, чтобы ежегодные методические семинары заложили основу традиции проведения в стенах Таврического дворца масштабных ежегодных конференций, с участием ученых Санкт-Петербурга, Москвы, других городов России и зарубежья. Все предпосылки для этого имеются.

С.Е. Руднева,
доктор исторических наук
(Московская государственная академия
физической культуры)

А. Поппэ. Христианская Русь в становлении. Олдершот; Берлингтон, 2007. XIV + 362 с.*

Известный польский медиевист Анджей Поппэ на протяжении десятков лет остается верен делу изучения древнерусской истории. Его научные интересы всегда были связаны с историей христианства и церкви на Руси. Этой же теме посвящена и его новая книга. Она представляет собой сборник из 12 статей на английском языке, опубликованных в разных журналах и сборниках с 1980 по 2003 г. Как принято в серии «Variorum Collected Studies Series» издательства «Ashgate», большинство статей перепечатано методом репринта, с сохранением нумерации страниц первой публикации. Одна статья перепечатана с новой пагинацией, и две статьи изданы на английском языке впервые. В 1982 г. в этой же серии вышел предыдущий сборник статей Поппэ (1969–1981 г., на французском, английском и немецком языках) на ту же тему¹. В то время выход книги, целиком посвященной церковной истории и принадлежащей перу автора из «социалистического лагеря», был явлением исключительным. С тех пор приоритеты историков, занимающихся историей Древней

Руси, изменились кардинальным образом, и количество работ, посвященных истории церкви, теперь едва ли не превышает число работ в других «отраслях» исторической науки. Тем не менее исследования Поппэ имеют вес и значение и в новой историографической ситуации благодаря высокому уровню профессионализма, на котором они сделаны. Кроме того, для отечественной историографии свою ценность имеет трезвый взгляд «со стороны» на спорные и нередко даже болезненные темы русской истории.

Новая книга Поппэ посвящена четырем основным темам: в ней рассматриваются события, связанные с христианизацией Руси (разделы II и VII); представления книжников XI–XIII вв. об этих событиях (разделы III, IV, VIII); история артефактов, которым легенды приписывают корсунское происхождение (разделы XI, XII); вопросы, связанные с репрезентацией власти в Древней Руси (разделы IX, X). Кроме этого, в книге есть один небольшой экскурс из византийской истории (раздел VI) и две обзорные статьи (разделы I, V).

* **A. Poppe.** Christian Russia in the Making, Aldershot; Burlington: Ashgate, 2007. [Variorum Collected Studies Series; no. 867].